

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(47)''1914/1918''

DOI 10.26456/vthistory/2023.4.005–025

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ В РОССИИ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ: ОТ НАЦИОНАЛЬНОЙ ТРАВМЫ К ВОЕННОЙ ТРЕВОГЕ И ПАТРИОТИЧЕСКОЙ ЭЙФОРИИ¹

В.Б. Аксенов

Институт российской истории Российской академии наук,
г. Москва, Россия

В статье изучается ментальный механизм генезиса войны сквозь призму художественных и публицистических текстов, массовых слухов, визуальных образов – того, что формировало общественные настроения, в которых созревали предчувствия мировой войны. Автор обращает внимание на распространение эмоций ресентимента, за которыми скрывалась национальная травма русской-японской войны и революции 1905–1907 гг. В 1913–1914 гг. общественные настроения характеризовались смесью военной тревоги и патриотической эйфории, что повышало значение слухов и усиливало значимость эмоционального фактора в политике. В частности, это обнаруживается в механизме принятия решения о проведении всеобщей мобилизации, в котором значимую роль сыграли слухи.

Ключевые слова: Первая мировая война, общественные настроения, национальная травма, военная тревога, патриотическая эйфория, футурология.

Незадолго до начала Великой войны П.Н. Милюков выпустил брошюру «Вооруженный мир и ограничение вооружений», в которой с высоты позитивистского подхода доказал, что Европе не грозит война, так как она противоречит интересам всех государств, народов и классов. Ещё раньше, в 1898 г., о бессмысленности большой европейской войны, которая дорого обойдётся даже победителям и запустит цепочку социальных революций, написал российский учёный И.С. Блюх в книге «Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях», а в 1908 и 1911 гг. вышли книги английского публициста Н. Энджелло, в которых автор приходил к тем же выводам. Тем самым мыслители-современники выражали

¹ Данная статья является доработанным вариантом англоязычной впервые опубликованной в *Herald of the Russian Academy of Sciences: Aksenov V. Public sentiments in Russia on the eve of the Great War: From national trauma to war anxiety and patriotic euphoria // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2022. Issue 6. Supplement Series A: Studies in Russian, Soviet and Contemporary History. Vol. 92. № S11. P. S1009–S1018.*

сомнения в обоснованности военной тревоги и приводили железные аргументы в пользу невозможности большой войны в силу её нерациональности. Однако логика рационалистического мышления спасовала перед упрямым историческим фактом, когда начавшаяся Великая война перечеркнула не только некоторые результаты международных договорённостей рубежа XIX–XX вв., но и достижения мировой гуманистической мысли эпохи Просвещения, пробудив в народах архаичные инстинкты.

В чём же ошиблись учёные-современники? Главная ошибка заключалась в самом позитивистском подходе, в недооценке того, что история не подчиняется рациональной человеческой логике хотя бы потому, что поступки людей зачастую иррациональны, подчинены эмоциям, а не идеям. Человеческие эмоции, страсти вспыхивают, разгораются, дрейфуют и затухают по своим собственным законам; общества как сложные открытые динамические системы имеют тенденцию к самоорганизации. Тем самым история учит исследовать прошлое не как шахматную партию между политическими лидерами или странами, классами, народами, а как совокупность сложных синергетических процессов, в которых «правила игры» динамичны и меняются в зависимости от обстоятельств. К слову, Миллюков понимал значение эмоционально-иррациональных факторов истории, заявляя, что «война вызывается не рациональными, а главным образом эмоциональными мотивами»². Однако он считал, что эти эмоциональные мотивы всего лишь иррациональные инстинкты и пережитки, которые можно преодолеть с помощью просвещения: «Полусознательная, иррациональная внушаемость и возбудимость должна уступить место систематическому самонаблюдению и критическому анализу мотивов собственного поведения. А для этого прежде всего борьба против эмоционального, “религиозного типа” психики и насаждение прочных “научных привычек” должны стать главными задачами гражданского воспитания передовых демократий»³. Бóльшую прозорливость продемонстрировал французский учёный Г. Лебон, который в 1917 г., также отмечая решающую роль коллективных аффектов в разжигании войн, писал, что «чувства и разум не эволюционируют параллельно друг другу и не имеют общего измерения. Потому цивилизацию очень высокого уровня легко дополняют очень низкие чувства»⁴.

Современные исследователи обращают внимание, что рубеж XIX–XX вв. открыл новую эпоху, которая характеризовалась возросшей социальной конфликтностью и повышенной ролью масс, распространением общественной нервозности и эмоций ресентимента, выливающимися в великодержавные и расистские комплексы, подпитывавшиеся национальными травмами и обидами⁵. Помимо международных кризисов, на настроения

² Миллюков П.Н. Вооруженный мир и ограничение вооружений. СПб., 1911. С. 152.

³ Миллюков П.Н. Интеллигенция и историческая традиция // Вехи. Интеллигенция в России. Сборник статей. 1909–1910. М., 1991. С. 376.

⁴ Лебон Г. Вчера и завтра. Сжатые мысли. М., 2016. С. 18.

⁵ Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. М., 2015; Радкау Й. Эпоха нервозности. Германия от Бисмарка до Гитлера. М., 2017; Гурный М. Ве-

современников влияла научно-техническая революция, менявшая повседневность. Сами современники считали, что причиной являются «суета и гонка» новой эпохи электричества, которая ускорила бег времени⁶. В России нервность городского социума была усилена последствиями великих реформ: массовой миграцией крестьян в города, демографическим реформированием общества, что превращало город в поле социальных и эмоциональных конфликтов. Индустриализация и модернизация, носившие безусловно прогрессивный характер по своей природе, своими ближайшими результатами имели рост общественной напряженности.

Меняющийся мир возбуждал фантазию творческих личностей и преломлялся в художественных произведениях алармистскими текстами, которые, в свою очередь, воздействовали на сознание масс. Политики начала XX в. отмечали влияние художественной литературы (а также набиравшего популярность кинематографа) на массовое сознание, в котором раздувался «апофеоз патриотических мечтаний» и великодержавные комплексы⁷. Весьма преуспевали в этом писатели-фантасты, в чьих алармистских произведениях В.П. Булдаков отмечает «логику ресентиментного провоцирования» читательской аудитории⁸. Литература, играя на противоречиях национальных травм и национальной гордости, усиливала межнациональные обиды и формировала в массовом сознании чувство военно-патриотической тревоги.

При этом сами фантасты хоть и не признавали ответственность за провоцирование страстей, после начала Великой войны напомнили читателям о своих пророчествах. В ноябрьском номере журнала «Мир приключений» за 1914 г. появилась статья Л. Исидорского (псевдоним Я.И. Перельмана) «Пророки мировой войны», в которой писатель-физик обращал внимание на способность «чутких умов» предсказывать глобальные катастрофы: «Случилось то, что ещё недавно всеми считалось самым невероятным, самым невозможным – вспыхнул мировой военный пожар... И лишь немногие романисты делали фантастические экскурсии в эту область... Очевидно, мрачная тень надвигавшегося мирового бедствия тревожила наиболее чуткие умы, беспокоила встревоженное воображение. Можно насчитать около десятка фантастических романов, посвященных этой теме, и из них большая часть появилась в последние два года»⁹.

Общественная тревожность воплощалась в навязчивых образах приближающейся катастрофы. Ещё в 1887 г. французский художник, писатель и издатель А. Робида опубликовал роман «Война в XX веке», в котором попытался представить новую технологичную войну, начавшуюся, по его

ликая война профессоров. Гуманитарные науки. 1912–1923. СПб., 2021. Булдаков В.П. У истоков Первой мировой войны: смута в европейских умах // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2022. № 2(62). С. 5–27/

⁶ Окунев Н.П. Дневник москвича, 1917–1924. В 2 кн. Кн. 1. М., 1997. С. 124–125.

⁷ Милуков П.Н. Вооруженный мир и ограничение вооружений... С. 69.

⁸ Булдаков В.П. Указ. соч. С. 10.

⁹ Мир приключений. 1914. № 11. Стлб. 111–126.

прогнозу, в 1945 г. Война в определённой степени соответствовала битвам Первой мировой: воздушные сражения между аэропланами и дирижаблями, использование газового оружия, монструозных пушек и т. д. Страхи общества перед научными открытиями, в том числе экспериментами биологов, медиков, подсказали писателю сюжет о разработке бактериологического оружия, а популярность эзотерических теорий, коими увлекались даже известные физики, заставляла фантазировать об отрядах боевых медиумов-экстрасенсов (слухи о которых ходили в российском обществе в годы Великой войны, возможно, проникнув туда из беллетристики).

Более обстоятельно война будущего изображена в романе другого французского писателя П. Жиффара «Адская война» (1908). Показательно, что война вспыхивает в последний день работы мирной конференции в Гааге, когда на торжественном прощальном ужине немецкий и английский дипломат не смогли договориться, кому первому подносить шербет. В результате английский король испытал чувство национального унижения и потребовал от германского императора извинений, а Германия в ответ послала на Англию дирижабли-бомбардировщики, которые по пути разбомбили Гаагу. Тем самым автор не только выразил скепсис относительно потенциала международных организаций, но и показал, какие ничтожные поводы могут разрушить привычный хрупкий мир.

Роман Жиффара интересен ещё и тем, что в нём политический конфликт перетекает в войну рас: фантазия писателя заканчивается тем, что армия китайцев захватывает Москву. Нашествие «желтой расы» Жиффар преподносит как месть «белой расе» за подавление восстания боксеров в Китае. Французский автор описанием различных фантастических военных машин демонстрирует не только тревогу современников перед милитаризацией науки и промышленности, но и показывает распространение националистических и расовых предрассудков под знаменами патриотизма. В публицистике 1914–1918 гг. Великая война нередко представляла как война рас. В частности, именно так называлась статья националиста С.А. Володимерова, опубликованная 21 июля 1914 г. в черносотенной «Земщине», в которой славянская раса противопоставлялась германской расе.

Взгляд на мировую политику как борьбу рас обнаруживается в начале XX в. не только у писателей-фантастов, но и у чиновников, политиков. Советник Германского имперского статистического комитета Р. Мартин в футурологической работе «Будущность России и Японии» предсказывал, что «за пятьдесят лет Россия потеряет в пользу желтой расы большую половину Сибири. В предстоящие столетия желтая раса будет сурово теснить Россию, и Россия сохранит свои владения даже в Европе, главным образом благодаря сочувствию и поддержке остальных народов белой расы»¹⁰. П.Н. Миллюков, обвиняя именно немецких писателей в распространении милитаристского мышления, обратил внимание на другое футурологическое сочинение Мартина – «Берлин-Багдад: Германская империя в эпоху

¹⁰ Мартин Р. Будущность России и Японии. М., 1907. С. 262.

дирижаблестроения, 1910–1931 гг.», которое вышло в 1907 г. В нём немецкий автор делился своей мечтой о создании уже в 1916 г. Всемирной Германской империи от Берлина до Багдада и предсказывал вторую российскую революцию в 1913 г. Подобные мечты были характерны для носителей имперского сознания вне зависимости от их национальности, в частности, о Всемирной русской монархии мечтал еще Ф.И. Тютчев в неоконченном трактате «Россия и Запад», да и сам Милюков после начала Первой мировой войны демонстрировал рецидивы имперского мышления, заявляя претензии России на Босфор и Дарданеллы.

Говоря о футурологии, нельзя не упомянуть английского писателя Г. Уэллса, одним из первых предсказавшего появление танков. В 1901 г. Уэллс написал статью «Предвидения о воздействии прогресса механики и науки на человеческую жизнь и мысль», в которой отмечал, что в эпоху масс демагогически-популистская патриотическая риторика разжигает национальные конфликты и провоцирует войны¹¹. В 1910 г. вышел первый номер журнала «Мир приключений», открывавшийся публикацией романа «Война миров». Начавшаяся вскоре Первая мировая война, преподносившаяся пропагандой как столкновение цивилизаций, интерпретировалась современниками как война миров. Показательно, что в августе 1914 г. поэт В. Брюсов пытался осмыслить современность через образы Г. Уэллса: «Не вброшены ль в былое все мы / Иль в твой волшебный мир, Уэллс? / Не блещут ли мечи и шлемы / Над стрелами звенящих рельс?»

Научно-фантастическая литература, пытавшаяся через анализ технических изобретений предсказать ближайшее будущее, обладала в то же время психотерапевтическим эффектом, уводя писателя и читателя из катастрофического настоящего в мир фантазий. Любопытным свидетельством популярности фантастики является тот факт, что накануне Великой войны написанием художественно-футурологического сочинения увлёкся последний посол Российской империи в Берлине С.Н. Свербеев¹².

Изобретения электрического века поражали воображение не одних только писателей, но и приводили к возникновению своеобразного фольклора – эсхатологических легенд. А.И. Кривошеков собирал фольклор оренбургских казаков и зафиксировал рассказы некоего странника Ивана Митрича, которыми он делился накануне Первой мировой войны и которые демонстрировали трансформацию научных изобретений в эсхатологические образы в религиозном сознании обывателей: «Как настанут последние времена, все изменится, по иному будет: полетят железные птицы под самые облака и будут клевать православных железными носами и плевать на землю сверху ядрами... Опутают землю-матушку железною проволокою да в несколько рядов, точно нитками обовьют, и нельзя будет Божией пташке пролететь кверху... А внизу протянут железо по всей земле, и поставят на

¹¹ Уэллс Г. Предвидения о воздействии прогресса механики и науки на человеческую жизнь и мысль. М., 1902. С. 153–154.

¹² Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник. М., 1984. С. 459.

это железо медные кувшины громаднейшие; нальют в них воды полнешеньки, а в середине трубы сделают и огня наладут. Закипит от него вода, и побегут кувшины по железу, а в них люди поедут с песнями да с плясками... Озвереют тогда люди и пойдут друг на друга войною. Будет эта война последнею и самую страшною, и никуда от смерти не укроешься. Тогда наступит и конец миру»¹³.

Апокалиптические настроения, усиленные Русско-японской войной и первой российской революцией 1905–1907 гг, сохранялись в обществе вплоть до Великой войны, давшей ещё более очевидный повод для соответствующих интерпретаций. Вероятно, наиболее ярким примером художественного произведения, написанного по следам Русско-японской войны и содержащего сильный эсхатологический мотив, можно считать «Красный смех» Л. Андреева, который во многом предсказывал картины Первой мировой. Словосочетание «красный смех», в котором прилагательное «красный» выступало синонимом «кровавый», а смех имел форму зловещей истерики, было эсхатологической метафорой наступавших «последних времен», проявившихся во всеобщем безумии. Картины коллективного схождения с ума от страха перед ночными бомбардировками рисовались в другом отечественном анонимном произведении «Война! Европа в огне» (1912). Возможно, произведение было написано под впечатлением от книги Р. Мартина, так как в нём описывалась война между Россией и Германией, начавшаяся с бомбардировки немецким воздушным флотом Петербурга. В предисловии автор задавался вопросами: «В нынешний момент, момент кровавых столкновений и тяжелых предчувствий встают невольные вопросы: что за этим последует? Какие неожиданности свалятся на наши головы? Не увлечет ли и нас бурный вихрь войны? И во что тогда выльется цикл наших невзгод? И с какой стороны нагрянет к нам опасность? На законные вопросы нет ответа. Тема неизвестности в часы наибольшего напряжения зрительной способности человечества точно нарочно сгущается еще сильнее. От этого тучнее почва страхов, на которой рождаются самые разнообразные цветы фантазии»¹⁴.

Образы фантастической литературы, а также массовые слухи-легенды, будоражившие воображение современников, оседали в подсознании и всплывали в годы Первой мировой войны в массовых фобиях о ночных бомбардировках городов с таинственных аэропланов, о гигантских бесшумных пушках и пр., провоцируя общественную нервозность и различные психические отклонения. Показателен сон, приснившийся археологу В.А. Городцову, который он записал в своём дневнике 12 сентября 1914 г. В этом сне причудливо переплелись сюжеты научной фантастики (чувствуется влияние романа Ж. Верна «Пятьсот миллионов бегумы»), в котором описывалось противостояние свободного города Франсевилля и милитаризированного Сталеграда), открытия в области естественных наук, современная международная ситуация и

¹³ *Кривошеков А.И.* Легенды о войне // Исторический вестник. 1915. № 10. С. 201–202.

¹⁴ *Война! Европа в огне.* СПб., 1912. С. 5.

собственные подсознательные страхи автора. Во сне происходило решающее сражение между армией Вильгельма II и защитниками города Новомир. Главный герой, желая получше рассмотреть битву, поднялся со своим дедушкой в небо на аэроплане и увидел, как наступавшая неприятельская армия оказалась вдруг парализованной пущенными из лаборатории Новомира токами¹⁵.

Предчувствие мировой войны проявлялось на фоне усиливавшейся в Европе гонки вооружений, которая подпитывалась мессианскими расово-цивилизационными концепциями. С точки зрения этих национал-патриотических теорий война могла быть развязана не только ради завоевания/отвоевания определённых территорий или защиты союзников от врагов, но и ради сохранения абстрактной «национальной чести». Герой романа немецкого писателя А. Нимана «Всемирная война» говорил Вильгельму II: «Никто не сомневается в том, Ваше Величество, что объявление войны было бы роковым шагом... Но существует высший закон, перед которым должны отступить на задний план все другие законы, – закон – поддерживать свою честь. И у целого народа есть также своя честь, как и у отдельного человека. В тех случаях, где дело коснется этой чести, войны избегать не следует, потому что от сохранения национальной чести зависит, собственно говоря, и сохранение всякого другого национального достоинства»¹⁶. Превращение вопроса о «национальной чести» в фактор международной политики означал её иррационализацию и подчинение эмоциям, так как показателем оскорблённой чести становилось субъективно-испытываемое чувство обиды. Российские консерваторы XIX в. оправдывали войну России с Европой именно «неблагодарностью» последней, что воспринималось как нанесенное оскорбление, поругание национальной чести¹⁷. Р. Мартин писал, что с середины 1870-х гг. под влиянием панславизма в России разрасталась вражда к Германии, которая ещё более усилилась из-за чувства обиды за итоги Берлинского конгресса 1878 г. Так же считал и М. Вебер, видя в российской германофобии реакцию на внешнее могущество Германии, своеобразный ресентимент¹⁸. В начале XX в. благодаря развитию таких дисциплин, как национальная характерология, цивилизационная и расовая теории и пр., способствовавшие распространению национальных предрассудков и становившиеся основой национально-патриотической стратегии, понятие «национальной чести» получало псевдонаучные обоснования и, повышая эмоциональный градус в международной политике, толкало мир к глобальной войне.

Главной национальной травмой правящих российских элит в XIX в. являлась Восточная (Крымская) война, в которой Россия проиграла союзу

¹⁵ *Городцов В.А.* Дневники ученого. 1914–1918: в 2 кн. М., 2019. Кн. 1. С. 98.

¹⁶ *Ниман А.* Всемирная война. Мечты немца. М., 1904. С. 82–83.

¹⁷ См.: *Погодин М.П.* Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны. М., 1874. С. 93; *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. СПб., 1995. С. 31–32.

¹⁸ *Вебер М.* К положению буржуазной демократии // Политическая наука. Россия: опыт революций и современность. М., 1998. С. 9.

Турции с западными державами. В начале XX в. её место заняла травма Русско-японской войны. «Маленькая победоносная» должна была вернуть нуждающимся в ощущении национального величия чувство собственной национальной исключительности, но в результате лишь привела к новым разочарованиям как правительством, так и самим императором. Власти были обвинены в провоцировании не нужной народу войны. Некоторые представители интеллигенции, как и в годы Крымской войны, Польских восстаний, Русско-турецкой войны, желали своему правительству поражения, видя в этом главное условие внутренних преобразований. Писатель В.В. Вересаев вспоминал настроения общества в это время: «Кругом, в интеллигенции, было враждебное раздражение отнюдь не против японцев. Вопрос об исходе войны не волновал, вражды к японцам не было и следа, наши неуспехи не угнетали; напротив, рядом с болью за безумно-ненужные жертвы было почти злорадство. Многие прямо заявляли, что для России полезнее всего было бы поражение»¹⁹. Даже консервативно настроенный Л.А. Тихомиров начинает критиковать императора в своём дневнике, демонстрируя явное чувство ресентимента, замешанное на ксенофобии: «А Государь “молчит и плачет”... Жалко Его, а Россию ещё жалче. Не умеет сделать, что нужно, и ведёт себя и весь народ в полон жидовско-русско-польско-франко-немецкой интеллигенции»²⁰.

В условиях переживаемых национальных травм в качестве эмоциональной сублимации происходит выработка своеобразной философской вакцины – теории о том, что войны идут во благо национальному духу. В 1906–1907 гг. в России под редакцией В.В. Битнера вышло трёхтомное издание «История культуры. Расцвет и увядание в жизни народов». Во введении говорилось: «Война... является очищающей грозой, которая встряхивает погруженные в нездоровую спячку народы. Самые кровавые страницы истории показывают нам, что на войну следует иногда смотреть, как на вмешательство высшего мирового порядка, и что в этом случае более сильный народ есть тот “молот провидения”, который разбивает негодный механизм, чтобы заменить его новым, более совершенным»²¹. В годы Первой мировой войны попытку обосновать данную теорию предпринимали многие известные психиатры, в частности, В.М. Бехтерев.

Тем не менее исследователи обращают внимание, что после 1907 г. в определённых слоях российского общества распространяется меланхолия²². Во многом она вытекала из переживаемой национальной травмы, причём, помимо поражения в Русско-японской войне, консерваторы национальным унижением считали вынужденные политические уступки 1905–

¹⁹ Вересаев В.В. Записки врача. На японской войне. М., 1986.

²⁰ Дневник Л.А. Тихомирова. 1905–1907 гг. М., 2015. С. 28.

²¹ История культуры. Расцвет и увядание в жизни народов: в 3 частях. СПб., 1906. Вып. 1. С. 5.

²² См.: *Стейнберг М.* Меланхолия Нового времени: дискурс о социальных эмоциях между двумя революциями // Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций: сб. ст. М., 2010. С. 202–226.

1906 г., леволиберальные и революционные круги – наоборот, незавершённость революции. Общественная рефлексия обнаруживается в философских работах, авторы которых пытаются переосмыслить недавнее прошлое. В вышедшем в 1909 г. сборнике «Вехи» авторы рефлексировали на тему вины российской интеллигенции за революцию 1905–1907 гг. и обращали внимание на поразивший образованные слои империи мировоззренческий, ценностный конфликт: «Русское общество, истощенное предыдущим напряжением и неудачами, находится в каком-то оцепенении, апатии, духовном разброде, унынии» – подыскивал характеристики общественных настроений С.Н. Булгаков²³. М.О. Гершензон считал бегство интеллигенции от политики после 1907 г. «психологической реакцией». В 1911 г. П.Б. Струве выпустил сборник своих статей за 1905–1910 гг. под названием «Patriotica», которые были объединены общим чувством «патриотической тревоги». Автор, мечтая о Великой России, обвинял радикально настроенную интеллигенцию в том, что она разрушает государство, путая его с властью, но высказывал мнение, что «можно ненавидеть государство, но нельзя ненавидеть свою нацию». В другом сборнике, «Интеллигенция в России» (1910), П.Н. Милюков обращал внимание на вызванный Русско-японской войной патриотический раскол интеллигенции, проявившийся в развитии настроений «чем хуже, тем лучше». Патриотическая тревога характеризовалась коллективным чувством вины и стыда, что отразилось, например, в работе молодого тогда историка И.М. Катаева «Что такое патриотизм?» (1907), в которой автор подводил психологические итоги Русско-японской войны: «Теперь всякий знает, что эта война с её бесчисленными жертвами была совсем не нужна для отечества, что её затеяла кучка сильных людей, которые, прикрываясь благом отечества, преследовали лишь свои корыстные цели»²⁴.

Период, непосредственно предшествовавший началу Великой войны, ознаменовался в определённых слоях общества юбилейно-патриотической эйфорией: в России в 1912 г. торжественно отмечали столетие изгнания Наполеона, а в 1913 г. – трёхсотлетия династии. Приготовления к столетию Отечественной войны начались задолго до самого юбилея: Русское военно-историческое общество выпускало граммофонные пластинки с военно-патриотическими песнями на тему былых событий, брошюры, а также военно-патриотический лубок. Воспевая успехи русского оружия, доблесть воинов и народный дух, патриотическая печать нередко представляла нападение Наполеона на Россию как «новый Крестовый поход на неё всей Европы», реанимируя свойственные консерватизму и панславизму XIX в. комплексы и стереотипы, связанные с противопоставлением «русского мира» Западу²⁵.

²³ Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество // Вехи. Интеллигенция в России. Сборник статей. 1909–1910. М., 1991. С. 43.

²⁴ Катаев И. Что такое патриотизм? М., 1907. С. 5–6.

²⁵ Родина. Еженедельные обзоры политики и общественной жизни. 1912. 26 августа.

Тема юбилея отразилась как в либеральной, так и в консервативной печати, однако с определёнными различиями. Официальные власти создавали сусально-патриотический миф о войне, свидетельствующий о полном единении власти и общества перед лицом французского нашествия; либеральные историки его опровергали. Одной из главных «неудобных» тем войны 1812 г., которую старалась обойти официальная историография, был пожар Москвы. В 1911–1912 гг. Историческая комиссия Общества распространения технических знаний (ОРТЗ) выпустила семитомное богато иллюстрированное энциклопедическое издание «Отечественная война и русское общество. 1812–1912» под редакцией А.К. Дживелегова, С.П. Мельгунова и В.И. Пичеты. Авторы издания ответственность за пожар возлагали на московского генерал-губернатора Ф.В. Ростопчина. Д.А. Жаринов обращал внимание, что уже в 1812 г. возникли две версии случившегося: официальная, возлагавшая ответственность на Наполеона и тем самым представлявшая его варваром, и «красивая патриотическая легенда», объяснявшая пожар жертвенностью москвичей, которые добровольно сожгли свои дома, чтобы не впустить в них французов. Обе эти версии отводили обвинения от российских властей. Легенда о жертве москвичей выполняла важную пропагандистскую функцию: внушала с помощью исторической мифологии массовому сознанию идею о жертвенности как черте русского национального характера и образце патриотического поведения.

В предисловии высказывалась мысль о том, что 1812 г. на столетие определил внутреннюю и внешнюю политику России: война с Наполеоном как наследником революции предопределила сворачивание «дней Александровых прекрасное начало», а также заложила камень в фундамент того самого могущества «Пруссии и Австрии, в котором коренятся все наши политические беды». Авторы критиковали российскую аристократию за следование корыстным планам в ущерб интересам народным и несколько идеализировали роль крестьянства в войне.

М.М. Ковалевский поднимал другую «неудобную» для патриотов-консерваторов тему 1812 г. – разорение местных жителей вследствие использовавшейся русскими войсками тактики выжженной земли. Историк упоминал о снесённых деревнях, население которых в одночасье стало нищим и просило милостыню у наступающих французов, о мародерстве отступающих русских полков. Вместе с тем работа Ковалевского полностью соответствовала патриотическому дискурсу: главным источником победы он назвал патриотизм русского народа, закончив свою работу призывом «стойко отстаивать национальные интересы» перед лицом внешних и внутренних врагов²⁶. При этом тема внутреннего врага Ковалевским раскрыта не была, но в 1912 г. в России это понятие могло ассоциироваться с радикалами справа (черносотенцами) и слева (революционерами).

1913 г. должен был пройти под звуки празднования 300-летнего юбилея династии, подготовка к которому началась за три года, когда был

²⁶ Ковалевский М.М. 1812-й год // Вестник Европы. 1912. № 7. С. 224.

учреждён специальный «Комитет для устройства празднования трёхсотлетия царствующего дома Романовых». К юбилейным торжествам публиковались парадные портреты российского самодержца и выходили иллюстрированные издания на историческую тематику; журнал «Нива» публиковал фотоотчёт о торжествах, проходивших в различных городах империи, а «Русский паломник» выпустил бесплатный «Юбилейный альбом в память 300-летия дома Романовых».

Первым официальным днём торжеств стало 21 февраля – день избрания на царство Михаила Федоровича. Этот день был объявлен нерабочим, и в Петербурге начались праздничные мероприятия: салют в Петропавловской крепости, благодарственный молебен в Казанском соборе, приемы сановников в Зимнем дворце, праздничный концерт в Государственной думе. В городе проходили праздничные гуляния. Однако кое в чём власти перестарались: даже шеф жандармов В.Ф. Джунковский отмечал, что на улицах было слишком много полиции, из-за чего создавалось впечатление, что город «обращён в военный лагерь». В феврале в столице праздничные мероприятия продолжались несколько дней, а в мае императорская чета отправилась по Волге в Ипатьевский монастырь в Костроме. Сопровождавшие царя министры по-разному описывали настроения провинциальной публики в дни пребывания императора. Министр иностранных дел С.Д. Сазонов писал о глубоком и неподдельном национальном настроении всей России, за исключением «худосочных элементов интеллигенции», в то время как премьер-министр и министр финансов В.Н. Коковцов сообщал о «тусклом и слабом проявлении скорее любопытства, нежели истинного подъёма». Начальница Санкт-Петербургского Елизаветинского института благородных девиц М.Л. Казем-Бек (урожденная Толстая) демонстрировала в дневнике скептическое отношение к торжествам, отмечая, что у некоторых чиновников патриотическое настроение подогревалось надеждами на награды: «Об юбилее говорят много. Светское общество готовится к придворным торжествам; чиновники радовались, надеясь на денежные и другие награды, а теперь ворчат, узнав, что наград не будет; революционеры, говорят, задумывают какие-то беспорядки»²⁷.

В печати также отражались разные настроения современников в связи с юбилеем. В периодике по понятным причинам преобладали патриотические восторги. Иллюстрированные журналы печатали парадные портреты российских императоров, литературно-исторические очерки из истории династии, родословные таблицы. Одна из заметок в журнале «Нива» подводила итог правления Романовых и рисовала радужные перспективы: «Читая историю, нельзя не верить в беспредельную нравственную мощь России и в ее сказочную жизнеспособность. Пройдя свой тернистый путь, она под руководством своих царей Дома Романовых вышла наконец на широкую дорогу к славному будущему, озаряемую, как лучами солнца, великой и светлой русской государственной идеей, в основе которой лежат

²⁷ Казем-Бек М.Л. Дневники. М, 2016. С. 335.

непоколебимая народная вера в высшую справедливость и безусловный нравственный авторитет государственной власти»²⁸. Как это часто бывает в истории, патриотические восторги по поводу величия империи предшествуют её скорому краху.

Иной вывод отражён в вышедшей в издательстве И.Д. Сытина шеститомной иллюстрированной истории романовской России «Три века. Россия от Смуты до нашего времени», в работе над которой приняли участие Ю.В. Готье, А.Е. Пресняков и другие историки. Несмотря на юбилейный характер издания, на протяжении всех томов авторы сохраняли известный критицизм в отношении российских правителей, а последний том заканчивался следующими словами: «Вести Россию по старому руслу нельзя, нужны новые кормчие: прежние лоцманы довели Россию до позора и унижения»²⁹.

Тем не менее, когда в июле 1914 г. вспыхнула Великая война, некоторые монархисты, идеализировавшие патриотическое единение власти и общества, считали, что череда юбилеев воспитала и развила у россиян патриотическое чувство: «Никто не предполагал, какое значение имело то, так сказать, накопление патриотического чувства в русском народе, которое явилось результатом пережитых всем русским народом славных исторических юбилеев: освобождения от поляков Троицкой лавры, смерти патриарха Ермогена, потом его прославления, трёхсотлетия освобождения России от поляков, избрания на царство Дома Романовых, юбилея Отечественной войны, юбилея освобождения крестьян... Постепенно возгреваемый патриотизм теперь проявил себя тем несказанным чувством единения, которое охватило всю Россию пред лицом германского врага, начавшего с нами несправедную брань»³⁰. На самом деле казенный патриотизм и чрезмерные усердия услужливых чиновников скорее ослабевают, чем усиливают патриотические эмоции, которые к тому же не могут длиться долго.

Юбилейные торжества 1913 г. на фоне продолжавшейся с 1912 г. Балканской войны и роста рабочих забастовок в России представлялись в воображении части современников пиром во время чумы. Возможно, наиболее точной визуализацией этих настроений является законченная в 1913 г. картина П. Филонова «Пир королей», на которой властители мира изображены живыми мертвецами, собравшимися на своё последнее пиршество. Современники сравнивали филоновский сюжет с другими известными пирами: пиром Ирода и пиром Валтасара. Характерно, что пир Валтасара упоминался в одной из главных революционных песен России – «Похоронном марше» («Вы жертвою пали...»): «А деспот пирует в роскошном дворце, / Тревогу вином заливая, / Но грозные буквы давно на стене / Уж чертит рука роковая!» Тем самым картина Филонова была полна эсхатологических предчувствий как приближающейся внешней Великой войны, так и внутренней революции. В 1914 г., незадолго до объявления Германией

²⁸ Нива. 1913. № 7. С. 140.

²⁹ Три века. Россия от Смуты до нашего времени. Исторический сборник / Под ред. В.В. Каллаша. М., 2005. Т. VI. С. 408.

³⁰ *Восторгов И.* Во дни войны. Голос пастыря-патриота. М., 1916. С. 28.

войны России, другой российский художник, Н.К. Рерих, закончил картину «Град обреченный», изображавшую город, лежащий в плену у огромной огненной змеи. После начала войны М. Горький назвал эту картину пророческой, а самого художника – величайшим интуитивистом, а искусствовед и критик А.И. Гидони так писал о «Граде обреченном» и других картинах Рериха, написанных перед самой войной: «Невольно хочешь многое в них объяснить интуитивными предчувствиями художника. Потому что стихия этих картин – пожар. И кажется, что художник, ставший мужем в своем мастерстве, окрепший и определившийся, бродя в мире творческих видений, ощутил внезапно некую тревогу. Как в историческом рассказе, он припал ухом к земле, прислушался. И был шум, крики, смятение в одном стане, тишина великая – в другом»³¹. Военная тревога и предчувствия мощных социальных взрывов были характерны и для западных художников. Например, немецкий экспрессионист Л. Мейднер пишет в 1912–1913 гг. серию апокалиптических работ, на одной из которых, «Апокалиптический пейзаж», предсказывает будущие запечатленные с натуры О. Диксом образы Великой войны.

Не отставали от художников и поэты. Наверное, больше других в предсказаниях скорой войны преуспели итальянские футуристы. Правда, в отличие от художников-экспрессионистов, Ф.Т. Маринетти вдохновлялся образами катастрофы. В опубликованном им «Манифесте футуризма» провозглашался уже известный тезис об очистительной функции войны: «Мы желаем прославить войну – единственную гигиену мира – милитаризм, патриотизм, разрушительный жест анархистов, прекрасные идеи, которые убивают, и презрение к женщине»³². После начала Первой мировой войны Маринетти назвал ее «самой прекрасной футуристической поэмой». Неудивительно, что «Манифест футуризма», опубликованный в Италии в 1909 г., был переиздан в Петербурге в 1914 г. Культ войны футуристов пересекался с героическим романтизмом русского акмеизма. Н.С. Гумилев еще в 1912 г. осуждал устами Св. Георгия пацифизм в стихотворении «Видение» («От битв отрекаясь, ты жаждал спасенья, / Но сильного слёзы пред Богом неправы, / И Бог не слышал твоего отреченья, / Ты встанешь завтра, и встанешь для славы»), а в годы Первой мировой войны уже открыто прославлял гром побед («И так сладко рядить Победу, / Словно девушку, в жемчуга, / Проходя по дымному следу / Отступающего врага»).

В то время, когда в общественном сознании созревала уверенность в неизбежности войны, на международной арене предпринимались неубедительные попытки ограничения применения оружия в межгосударственных спорах. Первая (1899) и Вторая (1907) Гаагские конференции провозглашали конвенции о мирном разрешении международных конфликтов, одна-

³¹ Беликов П.Ф. Рерих и Горький // «Горьковский сборник». Ученые записки Тартуского государственного университета, Труды по русской и славянской филологии, XIII. Тарту, 1968. С. 258; Гидони А.И. Творческий путь Рериха // Аполлон. 1915. № 4–5. С. 32.

³² Маринетти. Футуризм. СПб., 1914. С. 103–110.

ко характерно, что большая часть документов касалась не предотвращения войны, разоружения, отказа от концепции «вооруженного мира», а регламентации боевых действий. Казалось, что участники мирных конференций сами были уверены в неотвратимости большой войны. Тщетность международных мирных инициатив показали локальные Балканские войны 1912–1913 гг., ставшие тревожным звонком перед надвигающимся глобальным конфликтом. Тем не менее Первая Балканская война воодушевила российских национальных патриотов, которые вспомнили о «славянском мире» и потребовали от правительства поддержки балканских стран в войне с Турцией и защиты Сербии от нападков Австрии. Милитаристские призывы наполняли правую печать. Воодушевившись победами «братьев-славян», российские публицисты жаждали реванша и рефлексировали на тему упущенных возможностей в 1904 г. Например, Б.А. Суворин заявлял в «Вечернем Времени», что в случае поддержки европейской дипломатии удалось бы удержать Порт-Артур и победить в войне. В это время в общественном сознании возросла военная тревога. В феврале 1913 г. корреспонденты отмечали, что нервозность добралась и до деревни, обращая внимание на разные мотивы военной тревоги политизированных патриотов и простых обывателей: «Бряцает оружием “Новое Время” и вслед за ним шумят в погоне за розницей вечерние газеты.... В уездном городе, и еще более в деревне, настойчиво спрашивают: будет война или нет? Но эти вопросы не имеют ничего общего с тем шумом, который пытаются поднять вокруг войны “общественные деятели”... Для деревни и для живущего деревней уездного города вопрос о войне – вопрос жгучий, больной. Но его жгучесть не в славянской идее, не в кознях Австрии, а в болезненном страхе: неужели ко всем давящим бедам прибавится еще новая?»³³.

Очередной виток военной тревоги отразился в художественной литературе развитием нового жанра: фантастического шпионского детектива. Журнал «Мир приключений» публиковал рассказы и повести, в которых главным антагонистом был немецкий шпион, вооруженный фантастическими изобретениями (миниатюрное оружие, стреляющее лучами смерти, аэропланы-трансформеры, видеотелефоны, портативные записывающие устройства и проч.). В одном из номеров журнала за 1913 г. поражение в Русско-японской войне объяснялось искусно организованным японским шпионажем, при этом сообщалось, что Германия уже внедрила в одну только Францию 35 000 агентов, и тут же, как будто в подтверждение, приводились рисунки немецких шпионов на автомобилях³⁴. Не случайно, что в эти годы появляется и отечественный шпионский детектив, родоначальником которого считается Н.Н. Брешко-Брешковский. В апрельском номере «Мира приключений» за 1914 г. он публикует рассказ «Секретные документы» на тему Балканской войны. Шпионский детектив провоцировал страх перед «внутренним врагом», «иностранным агентом» и в годы Вели-

³³ Вестник Европы. 1913. № 2. С. 419.

³⁴ Мир приключений. 1913. № 6. Стлб. 1139–1142.

кой войны вылился в массовую шпиономанию, приобретающую порой форму настоящей паранойи.

Военная тревога сохранялась в 1914 г. и была характерна не для одной России. В начале года австрийский писатель, историк К. фон Ланг писал: «Что-то надвигается, но, когда оно начнется, предсказать невозможно. Быть может, нас ждут ещё несколько мирных лет, однако с такой же вероятностью гром может грянуть уже сегодня»³⁵. Н.Ф. Денисюк в очерке «Вооруженный мир и война» демонстрировал определенный когнитивный диссонанс, эффект Шрёдингера, выражая одновременно уверенность в невозможности войны и в её вероятности: «Итак, европейская война, по мнению многих, почти невозможна, и решиться на вызов своего противника в наше время не посмеет ни одна великая держава. Но тогда зачем же длить вооружённый мир, стоящий... не так уж и дешево, и при этом усиливать с головокружительной быстротой боевые силы?.. Такой мир, надо признаться, напоминает усиленное приготовление к войне... рассмотрев внимательно характер и лихорадочное нарастание новых трат, новых батальонов и судов, мы невольно станем тревожиться за будущее европейского мира и должны будем признаться, что живем на вулкане»³⁶.

Не последнюю роль в нагнетании международной напряжённости играли государственные великодержавные комплексы, отражавшиеся в газетных и журнальных публикациях и нервировавшие читательскую аудиторию. В ответ на антироссийскую риторику берлинской прессы петербургские газеты весной 1914 г. писали, что Россия «воскресла из пепла маньчжурского пожара... и готова встретить лицом к лицу всякое нападение и с Востока, и с Запада». Автор политического обозрения «Нивы» наивно радовался, что как только отечественная пресса дала отпор немецкой печатной агрессии, «кровавый кошмар всеобщей войны, уже нависшей над изнемогающей под бременем непосильных вооружений Европы, рассеялся от одного твердого слова», и также при этом заявлял о слиянии власти и общества «в патриотическом сознании единства гражданского долга» перед необходимой самозащитой³⁷. Создавалось впечатление, что постоянные заявления о невозможности большой войны в Европе делались от страха её предчувствия, выполняли своеобразную психотерапевтическую функцию, то есть являлись самообманом. Однако эта риторика поднимала градус национал-шовинизма, которому ещё суждено было сыграть свою роль уже летом 1914 г.

По мере возможности некоторые бывшие или нынешние государственные деятели пытались предостеречь власть от ошибки провоцирования или развязывания войны. Одной из самых известных попыток, вероятно, является записка П.Н. Дурново, бывшего министра внутренних дел, члена Государственного совета, которую он подал на имя им-

³⁵ Цит. по: Хейстингс М. Первая мировая война: Катастрофа 1914 года. М., 2021. С. 33.

³⁶ Нива. Литературное и популярно-научное приложение. 1914. Февраль. № 1. С. 356.

³⁷ Нива. 1914. № 12. С. 240.

ператора в феврале 1914 г. (В историографии существуют сомнения относительно подлинности этой записки, однако, учитывая свидетельства современников, знавших о ее написании, а также тот факт, что высказанные в ней мысли были распространены в определенных слоях империи и не являются уникальным предсказанием, которое могло быть написано только «задним числом», не позволяют считать аргументы в пользу фальсификации достаточно убедительными). В своей записке Дурново предостерегал Николая II от вступления в войну с Германией, считая, что в этом случае вся тяжесть военных испытаний ляжет на Россию, вследствие чего обострятся имеющиеся социально-экономические противоречия и усилится опасность революции. Дурново был далек от панславистских настроений, поэтому даже успех в войне и территориальные приобретения считал неблагоприятными по своим последствиям, так как они привели бы к эскалации национальных конфликтов в Российской империи.

Тем не менее, признавая наличие международной напряженности, многие верили, что до большой войны дело не дойдет. Посол Франции в России М. Палеолог, в июне 1914 г. считавший большую европейскую войну неизбежной, зафиксировал в дневнике слова Николая II за две недели до начала мирового конфликта, в которых император продемонстрировал характерную ошибку рационалистического подхода в прогнозировании войны: «Несмотря на всю видимость, император Вильгельм слишком осторожен, чтобы ввергнуть свою страну в безумную авантюру... А император Франц Иосиф хочет одного – умереть спокойно»³⁸.

Сараевский выстрел усилил военную тревогу тех, кто следил за международными событиями. 13 июля Австро-Венгрия объявила мобилизацию, и в этот же день в «Минской газете-копейке» появился раздел «Накануне войны», в котором, помимо взаимоотношений Австро-Венгрии с Сербией, говорилось о распространившихся в Петербурге слухах о неизбежной мобилизации. Эти же слухи отметил в столице Палеолог: «пахнет мобилизацией», – и пришёл к выводу, что «на этот раз это война». Слухи гнали людей на улицы. 14 июля манифестация прошла в Москве на Тверской, раздавались лозунги «Долой Австрию и Германию», около полуночи толпа пыталась пройти к зданию германского консульства, но была рассеяна конными городовыми³⁹. В половине первого ночи с 15 на 16 июля вышли «летучки» и «прибавления» к газетам с одним заголовком – «Война». Несмотря на поздний час, их вмиг разобрали у газетчиков на Невском. В Москве на Тверской вокруг газетчиков собралась толпа, состоявшая преимущественно из публики, вышедшей из сада «Аквариум». На следующий день посетители увеселительного сада были представлены в газетах как главные патриоты города, следящие за международной обстановкой даже по ночам. «Подъём народного духа мы видели в эти дни, – писали правые

³⁸ Палеолог М. Дневник посла. М., 2018. С. 27.

³⁹ Вечернее время. 1914. 15 июля.

корреспонденты в условиях, когда в различных частях Петербурга ещё проходили столкновения рабочих с полицией и стояли баррикады. – Он проявился во всех слоях населения, проявился неудержимым потоком, проявился с тем спокойствием и с той внушительностью, какие умеет показать в серьёзные исторические минуты русский народ»⁴⁰. Основой сплочения должны были стать панславистские идеи: «Сербия, Россия, Славянство в опасности. Сплотимся все до единого для защиты достояния наших предков. С нами Бог», – писали газеты 15 июля 1914 г. Городские власти всячески содействовали массовым патриотическим шествиям, порой присоединяясь к толпе. 15 июля в Москве помощник градоначальника В.Ф. Модль лично возглавил патриотическую манифестацию, он ехал на своем автомобиле и направлял движение масс. 16 июля в Петербурге прошёл молебен в Казанском соборе, митинг у памятника Александру III, возле сербского, английского и французского посольств. «Манифестации захватили весь город. Повсюду слышатся восторженные крики, всюду царит лихорадочное возбуждение. В 5 часов дня тысячная толпа с национальными флагами и с импровизированным белым знаменем, на котором резко выступает фраза „Да здравствует Сербия!“ двинулась по Невскому к памятнику Александра III», – писала газета «Вечернее время»⁴¹.

Социалисты считали, что в эти дни суворинское «Вечернее время» чуть не стало печатным органом «союзников» (членов «Союза русского народа» и сочувствующих). Именно перед зданием редакции «Нового» и «Вечернего времени» собирались группы «патриотов». «Панславистские круги... принялись за „работу“. Уличная и полулиберальная пресса готовила почву для патриотических манифестаций. Последние ждать себя не заставили и стали „стихийно“ рождаться в центральных частях города и заканчивались в первые дни у сербского посольства... „Стихийно“ выносились заранее спрятанные флаги, плакаты, портреты царя, и под охраной усиленного наряда конной полиции совершали хождение по „союзникам“», – вспоминал большевик А.Г. Шляпников⁴². Кадет Н.И. Астров, описывая московские ночные манифестации 17 июля, также обращал внимание, что они проходят под контролем полиции: «По вечерам на улицах ходят толпы рваного народа с флагами, с пением гимна и криками „ура“. Это патриотические манифестации, покровительствуемые полицией. Толпы ведут себя пока чинно»⁴³. Некоторые убеждённые монархисты не менее скептически воспринимали патриотизм тех дней. Доцент Юрьевского университета Б.В. Никольский записал в дневнике 18 июля: «Что касается манифестаций, то к ним я равнодушен. Это все бутафория»⁴⁴.

⁴⁰ Вечернее время. 1914. 15 июля.

⁴¹ Вечернее время. 1914. 16 июля.

⁴² Шляпников А.Г. Канун семнадцатого года... С. 49.

⁴³ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 102. Оп. 265. Д. 990. Л. 939.

⁴⁴ Никольский Б.В. Дневник. 1896–1918. СПб., 2015. Т. 2: 1904–1918. С. 195.

Эмоции захлестывали современников и затрудняли рациональное восприятие действительности. В этих условиях усиливалось значение стихийных факторов, в информационном пространстве – настоянных на страхах слухов, нервировавших общество и проникавших даже в правительство. Слухи сыграли роль триггера в развязывании мировой войны. Не желая усугублять конфликт с Германией, Николай II подписывает указ о проведении частичной мобилизации 4 военных округов, хотя против этого выступали некоторые генералы. Начальник Генерального штаба 46-летний Н.Н. Янушкевич просидел с 16 по 17 июля у телефона в своём кабинете, собирая различные сведения о действиях Германии. Решающими для его настроения оказались два слуха, как впоследствии выяснилось, не соответствовавшие действительности: якобы о том, что Германия 17 июля тайно объявила всеобщую мобилизацию (этот слух распространялся и в самом Берлине, нервозность населения которого соответствовала атмосфере в российской столице), а также о том, что германский флот двинулся в сторону Финского залива и один из кораблей подорвался на mine. Эти слухи укрепили Янушкевича во мнении о необходимости всеобщей мобилизации, в чём он сумел убедить Николая II. 18 июля приказ о всеобщей мобилизации появился на улицах российских городов. Вильгельм II ожидаемо воспринял всеобщую мобилизацию в России как угрожающую безопасности Германии, выдвинул Николаю II ультиматум с требованием отменить мобилизацию, а после отказа это сделать 19 июля объявил России войну.

Начало Первой мировой войны ознаменовалось очередным витком патриотической истерии, которой были охвачены образованные слои всех стран-участниц. Однако в великодержавном хоре патриотов чувствовался плохо скрываемый страх и национальные комплексы, обиды, формировавшиеся в предшествующие десятилетия в условиях научно-технической революции, усиления социальных конфликтов и возраставшей эмоциональности городского социума, что характеризовало смену эпох, переход от традиции к модерну. Война в известной степени была порождением коллективных эмоций ресентимента, начинавших определять политику. Имперские амбиции, не соответствовавшие политическим реалиям, рождали чувство ущемления национальной гордости, национальной травмы, что требовало компенсации через воинственную риторику. Развивавшаяся тревожность порождала чувство беспомощности у политиков и ощущение неизбежности приближающейся катастрофы. При этом складывалась парадоксальная ситуация, когда алармистские призывы в художественной литературе, публицистике сами повышали вероятность её начала, как будто способствуя самореализации предсказаний. Американский социолог Р. Мертон, один из авторов теории «самоосуществляющегося пророчества» (предсказание, воспринимаемое людьми как истинное, будет влиять на их поведение таким образом, что их поступки сами приведут к осуществлению этого пророчества, вне зависимости от того, направлены они на его предотвращение или нет), в качестве примера верности своей теории приводил ситуацию, когда предчувствие войны, вызывающее всеобщее во-

оружие и воинственную риторику, способствует её реальному началу⁴⁵. Это обнаруживается и в истории начала Первой мировой войны, когда печать способствовала формированию взаимных коллективных предрассудков, а патриоты-великодержавники в очередной «битве патриотизмов» угрожали применением оружия, пытаясь скрыть за мессианско-имперскими идеями национальные травмы. С.Д. Сазонов вспоминал, что война с определённого момента казалась некоторым европейским политикам предопределённой, неотвратимой, и они, «скрестив руки, пассивно смотрели на её приближение»⁴⁶.

Список литературы:

1. *Беликов П.Ф.* Рерих и Горький // Труды по русской и славянской филологии. XIII: Горьковский сборник / Отв. ред. З.Г. Минц. Тарту, 1968. – 283 с. (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 217).
2. *Булдаков В.П.* У истоков Первой мировой войны: смута в европейских умах // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». 2022. № 2 (62). С. 5–27.
3. *Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* Война, породившая революцию. М., Новый хронограф, 2015. – 721 с.
4. *Гурный М.* Великая война профессоров. Гуманитарные науки. 1912–1923. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. – 414 с.
5. *Лебон Г.* Вчера и завтра. Сжатые мысли / Пер. с фр., предисл., примечания В. Скибы. М.: МАКС Пресс, 2016. – 176 с.
6. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 873, [7] с.
7. *Радкау Й.* Эпоха нервозности. Германия от Бисмарка до Гитлера / пер. с нем. Н. Штильмарк; под науч. ред. С. Ташкенова; вступ. слово С. Ташкенова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – 552 с.
8. *Стейнберг М.* Меланхолия Нового времени: дискурс о социальных эмоциях между двумя революциями // Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций: сб. статей. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 202–226.
9. *Хейстингс М.* Первая мировая война: Катастрофа 1914 года. М.: Альпина нон-финшн, 2021. – 692 с.

Об авторе:

АКСЕНОВ Владислав Бэнович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории, РАН (Россия, 117036, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19), e-mail: vlaks@mail.ru

⁴⁵ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006. С. 608.

⁴⁶ Сазонов С.Д. Воспоминания. Минск, 2002. С. 170.

**PUBLIC SENTIMENTS IN RUSSIA ON THE EVE OF THE
GREAT WAR: FROM NATIONAL TRAUMA TO WAR ANXIETY
AND PATRIOTIC EUPHORIA**

V.B. Aksenov

Institute of Russian History RAS, *Moscow, Russia*

The article examines the mental mechanism of genesis of the war, through the prism of artistic and publicistic texts, mass rumors, visual images - the factors which shaped the public mood, in which the anticipations of the World War were ripening. The author draws attention to the spread of the emotions of resentment that masked the national trauma of the Russian-Japanese War and the 1905-1907 Revolution. In 1913-1914 the public mood was characterized by a mixture of war anxiety and patriotic euphoria, which increased the importance of rumors and strengthened the importance of the emotional factor in politics. In particular, this can be seen in the mechanism of decision-making on the general mobilization, in which rumors played a significant role.

Keywords: *World War I, public mood, national trauma, war anxiety, patriotic euphoria, futurology.*

About the author:

AKSENOV Vladislav Benovich – Doctor of History, Senior Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Russia, 117036, Moscow, Dm. Ulyanov, 19), e-mail: vlaks@mail.ru

References:

- Belikov P.F., *Rerih i Gor'kij*, «Gor'kovskij sbornik», Uchenye zapiski Tartusko gosudarstvennogo universiteta. XIII. Tartu, 1968.
- Buldačov V.P., *U istokov Pervoj mirovoj vojny: smuta v evropejskih umah*, Vestnik TvGU, Seriya «Istoriya». 2022, № 2(62), S. 5–27.
- Buldačov V.P., Leont'eva T.G., *Vojna, porodivshaya revolyuciyu*. M., 2015.
- Gurnyj M., *Velikaya vojna professorov. Gumanitarnye nauki. 1912–1923*, SPb., 2021.
- Lebon G. *Vchera i zavtra. Szhatye mysli*. M., 2016.
- Merton R., *Social'naya teoriya i social'naya struktura*, M., 2006.
- Radkau J., *Epoha nervoznosti. Germaniya ot Bismarka do Gitlera*, M., 2017.
- Stejnberg M., *Melanholiya Novogo vremeni: diskurs o social'nyh emociyah mezhdv dvumya revolyuciyami*, Rossijskaya imperiya chuvstv: Podhody k kul'turnoj istorii emocij. Sbornik statej, M., 2010, S. 202–226.
- Hejstings M., *Pervaya mirovaya vojna: Katastrofa 1914 goda*, M., 2021.

Статья поступила в редакцию 25.09.2023 г.

Подписана в печать 15.12.2023 г.